ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ (С УЧЕТОМ ФАКТОРА ВНУТРЕННИХ МИГРАЦИЙ): МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

А.О. Булатов

В современном мире трудно найти мало-мальски крупную страну с мононациональным составом населения. Интернационализация экономики и культуры, не признающая этнических, конфессиональных, государственных границ, деятельность транснациональных корпораций, массовые миграции населения из экономически неблагополучных и политически нестабильных регионов - все это приводит к появлению даже в сравнительно небольших европейских странах, исторически формировавшихся на основе территории проживания титульного этноса (или нескольких родственных или соседствующих в течение многих веков этносов), иноэтнических групп. Следует отметить, что миграция является неотъемлемой частью человеческой истории в целом, но она имеет волновой характер и последние десятилетия XX-начало XXI вв. - это период роста не просто численного количества мигрантов из стран т.н. третьего мира, но и усиления воздействия последствий миграционных процессов на общественную, политическую, культурную жизнь принимающих стран, приобретающего конфликтный характер. Но полиэтнический состав населения связан не только с миграционными процессами. Наряду со странами, исторически имеющими сравнительно однородный или этнически близкий состав населения, есть те, кто изначально сложился на полиэтнической основе. На современной политической карте таких немало (Индия, Пакистан, Индонезия, Мексика, Бразилия и т.д.), но если в систему координат, маркирующих их, ввести хронологический фактор и выйти за пределы постколониального периода, то количество таких государств, имеющих длительную историю существования и неизменно выступающих на всем ее протяжении (в том числе и в настоящее время) как объединения различных по языку, происхождению, религиозной принадлежности народов очень невелико. Представляется, что однозначно к ним можно отнести Россию и Китай. В данной статье речь пойдет о некоторых особенностях современной этнокультурной и этноконфессиональной ситуации в России с учетом как указанной специфики ее развития, так и современных миграционных процессов. Имеет смысл начать с последних, исходя из значимости их воздействия на общество.

На протяжении длительного периода исторического развития, начиная со времени образования Московского царства, передвижения крупных групп населения носили, в основном, центростремительный характер, лучами устремляясь от исторического центра русских земель на окраины государства и присоединенные (мирно или военным путем) территории - Поволжье, Сибирь, азиатский Север, позже Среднюю Азию и Кавказ. И это были миграции, главным образом, русского населения. В советский период ситуация принципиально не менялась - в национальные республики посылались квалифицированные кадры рабочих, инженеров, врачей, учителей. Происходил отток населения и с национальных окраин. Оттуда ехали осваивать газовые и нефтяные месторождения Сибири, участвовать в крупных стройках. Многие потом оседали на месте работы, обзаводились там семьями или привозили туда свои семьи. Наиболее талантливые представители населяющих страну этносов обучались в столичных вузах и оставатись работать в центре. Существовали сезонные миграции, когда молодые мужчины сколачивали бригады т.н. «шабашников» и ехали летом на заработки с Северного Кавказа и Закавказья в центральную Россию, Сибирь, Среднюю Азию. По сути тем же, но с использованием идеологической составляющей занимались студенческие строительные отряды. Следует также

учесть массовые принудительные перемещения населения во время репрессий 30-х гг. прошлого столетия, депортации целых народов в годы Великой Отечественной войны. Но при всем при этом основной вектор внутренних миграций оставался неизменным - от центра на окраины, менялось лишь их направление в зависимости от экономических интересов государства и демографической политики.

Ситуация кардинально изменилась с распадом Советского Союза. В Россию хлынул поток мигрантов из бывших советских республик, ставших независимыми государствами, главным образом, из Закавказья и Средней Азии. При этом основную их часть составляли не этнические русские, оказавшиеся на этих территориях в советский период, а то и еще раньше, а именно представители титульных этносов этих государственных образований. В этом ничего особенного нет. Это проявление общей закономерности, когда после распада империи социально и экономически активная часть населения ее национальных окраин или бывших колоний едет в поисках заработка и лучшей жизни в метрополию.

Внутри самой России произошло изменение направления внутренних миграций - теперь они идут с национальных окраин в центр. Основная масса мигрантов, как внутренних, так и из стран Ближнего Зарубежья вследствие ярко выраженной неравномерности в экономическом развитии страны оседает в столице и столичном регионе. Значительную часть их составляют мигранты-мусульмане из регионов традиционного распространения ислама.

Перемещение больших групп населения, различных по своей этнической, конфессиональной, культурной принадлежности, неизбежно приводит к проблемам, связанным с необходимостью их социальной и культурной адаптации, предупреждением и разрешением трений и конфликтных ситуаций, возникающих с принимающей стороной. Это требует выработки определенной политики в отношении мигрантов с учетом той особенности российской ситуации, что основную часть переселенцев составляют внутренние мигранты, граждане Российской Федерации. Приходится с сожалением признать, что определенной выработанной политики в этом отношении нет. Лишь когда случаются инциденты, подобные событиям на Манежной площади, тогда в пожарном порядке начинают приниматься какие-то меры, при этом не всегда адекватные. Какими же принципами должна руководствоваться политика в отношении мигрантов? Если не обращаться ко всем известным общим принципам, зафиксированным, в том числе, в Конституции РФ о равенстве всех граждан перед законом, независимо от их национальности, пола, вероисповедования, расовой принадлежности, праве их выбирать себе место жительства и работы, то представляется, что в практической плоскости есть всего два базовых положения: одно касается мигрантов, другое - представителей принимающей стороны.

Мигрант должен соблюдать законы той страны, куда он приехал, уважать и принимать ее культуру, обычаи, нормы бытового поведения. Если же это непримиримо противоречит его религиозным установкам, моральным принципам, особенностям его национальной культуры и менталитета, то тогда ему следует выбрать другую страну для проживания, более подходящую по культурным стереотипам, либо вернуться на свою историческую родину. В противном случае это противоречие неизбежно приведет мигранта к конфликту с окружающим обществом, в котором он окажется в положении аутсайдера. Разумеется, даже у вполне лояльных и хорошо образованных людей, попавших, к примеру, из какой-либо республик Северного Кавказа в столичный мегаполис, может быть неприятие некоторых сторон столичной жизни - отчужденности людей друг от друга, грубости, стирания тендерных различий, размывания семейных устоев и т.д. Но в этом случае никто не мешает строить отношения в своей семье и своем окружении по-другому, воспитывать собственных детей в уважении к старшим, соблюдая семейные, нравственные ценности.

В отношении принимающей стороны необходимым является требование: если ты хочешь, чтобы приезжие уважали твою культуру, не нарушали законы, знай, уважай и соблюдай их сам. Приезжие всегда так или иначе подстраиваются под местные условия. Если человек, приехавший в столицу, видит заплеванные тротуары, загаженные улицы, толкающихся, по-хамски ведущих себя по отношению друг к другу людей, то и он чаще всего будет вести себя так же. Если общение с представителями правоохранительных органов сводится, в первую очередь, к отъему денег у приезжих, то никакого уважения ни к законам этой страны, ни к призванным обеспечить их соблюдение властям у мигрантов не будет. Если что-то нельзя, то должно быть нельзя для всех при любых обстоятельствах, а если вообще-то нельзя, но за деньги можно, то тогда нельзя ожидать законопослушного поведения. Дело лишь в цене вопроса.

В последнее время все чаще возникают конфликты, изначально носящие криминально-бытовой характер, но при получении ими огласки приобретающие ярко выраженную межнациональную окраску. Достаточно вспомнить печально известные события на Манежной площади, подобные же инциденты, меньшие по масштабу, но не уступающие по накалу эмоций в других городах Московской области, Ленинградской области, Ставрополье, Ростове-на-Дону или нашумевшее недавнее убийство у ночного клуба жителя Москвы, этнического русского, совершенное профессиональным спортсменом-борцом, уроженцем Дагестана. Во многих из них фигурируют выходцы с Северного Кавказа. Можно, конечно, все списать на пристрастность СМИ, но вряд ли это будет правильно. Поскольку подобные случаи и ситуации не единичны, имеет смысл попытаться разобраться в причинах этого. Дело здесь не в извечно присущей кавказцам воинственности. Это один из мифов, охотно культивируемых в СМИ и озвучиваемых некоторыми политическими деятелями. Есть немало уроженцев различных республик Северного Кавказа, которые спокойно живут и работают в различных регионах России, в том числе столичном, не привлекая к себе пристрастного внимания правоохранительных органов. Нет необходимости перечислять здесь выдающихся деятелей культуры, науки - представителей различных кавказских этносов. Обычно никто из этой прослойки населения в подобных конфликтных ситуациях участия не принимает. В них оказывается замешанной молодежь - те, кто, по идее, приехал сюда учиться в столичных вузах, устроиться на работу, а также представители т.н. «золотой молодежи», формально числящиеся в каком-либо учебном заведении, а на практике прожигающие родительские деньги в ночных клубах, увеселительных заведениях. На мифах, связанных с Кавказом и образом жизни, менталитетом его уроженцев, следует остановиться отдельно, но это будет сделано позже, пока же следует отметить, что воинственность вообще свойственна всем горцам, не только кавказским, и является одним из проявлений адаптационных механизмов к суровым условиям жизни в горах, в том числе связанных с дихотомией горы-равнина. Но эта воинственность всегда строго регламентировалась и заключалась в определенные рамки, когда ее проявление было уместным, возможным и необходимым - при защите своей территории от врага, в случаях кровной мести, а также во время набегов на соседей. Последнее заслуживает специального рассмотрения, поскольку является одним из распространенных сюжетов современной мифологии, связанной с народами Кавказа.

Практика грабительских походов - набегов занимала разное место в жизнедеятельности различных этносов, проживающих на Кавказе. Вообще она связана с общинно-родовым укладом, с действующими институтами родо-племенной демократии. В общественной жизни народов Северного Кавказа сочетались черты патриархально-родового уклада и феодального устройства. Соответственно, набеговая практика к минимуму сводилась там, где имелась сильная государственная власть, более заметное место занимала в т.н. вольных обществах - союзах сельских общин, не подчинявшихся феодальной зависимости и представлявших собой своеобразные горские республики. Как правило, набеги были формой поддержания воинского духа мужской молодежи, проявлением удальства, молодечества, а не основным источником дохода. Горцы жили за счет отгонного скотоводства, террасного земледелия (когда на склонах гор вручную высекались террасы, куда на своих спинах или ишаках доставляли плодородную землю из долин), а также садоводства и огородничества там, где это позволяли условия. В прошлом набеговая практика существовала у многих народов мира на стадии разложения родового общества и формирования раннеклассового строя, в том числе у славян. К примеру, в византийских хрониках раннего средневековья немало сообщений о многочисленных нападениях славян на приграничные области империи, а «вещий Олег» прибил свой щит к воротам Царьграда во время одного из самых удачных походов. Со складыванием государства набеги приобретают форму военных походов и легитимизируются властью, хотя суть их от этого не меняется.

Повседневная жизнь горцев традиционно регулировалась нормами обычного права - адатами. Существовали формы социализации молодежи, связанные с общинным укладом жизни. Позже, в советский период появились иные формы социализации молодых людей, связанные с деятельностью пионерских, комсомольских организаций, службой в армии. В условиях твердой власти, когда уходит в прошлое практика набегов и исчезает из повседневной жизни кровная месть (за исключением вайнахских народов, у которых кровная месть де-факто сохранялась на протяжении прошлого столетия при

официальном ее запрещении), формами канализации агрессии были спортивные единоборства и армейская служба. Регламентирующая роль норм обычного права - адатов сохранялась и с вхождением Кавказа в состав Российской империи, и в советский период. Сложился своеобразный симбиоз законов Российского государства, обычного права и норм мусульманского права - шариата (там, где существовав ислам). Ситуация кардинально изменилась с начала 1990-х гг., с распадом Советского Союза. Помимо экономических и социальных причин, вызвавших по всей стране волну криминализации, в северокавказских республиках действовал еще один фактор: в последнее десятилетие XX в. Северный Кавказ превратился в зону военных конфликтов, самым кровопролитным и затяжным из которых была война в Чечне. Целое поколение молодых людей выросло в этих условиях. При этом необязательно было жить непосредственно там, где шли военные действия. Травмирующее воздействие на психику получали не только те, кто оказывался в зоне боевых действий, но и жители соседних республик, граничащих с Чечней. Окончание войны в Чечне, к сожалению, не привело к установлению мира на Кавказе. В Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии идет террористическая война, осуществляемая исламскими радикалами против представителей власти, духовенства и мирного населения. Когда человек должен жить, ходя на работу, учебу, делая обычные каждодневные дела, при этом каждый раз рискуя оказаться в эпицентре взрыва или попасть в перестрелку, то это оказывает неизгладимое влияние на его психику[1]. Некоторые психологи, проводившие тестирование студентов и аспирантов столичных вузов - уроженцев северокавказских республик, определяли многих из них как потенциальных суицидентов[2].

Еще один фактор, усиливавший конфликтность в обществе, - усиленная неконтролируемая миграция с гор. В городских условиях при изменении образа жизни регламентирующая роль обычного права резко снижалась, светское законодательство в период 1990-х гг. в реальной жизни практически не действовало, существуя само по себе (что в тот период было характерно не только для Северного Кавказа, но и для всей страны), а степень влияния шариатских норм была еще слаба, чтобы как-то контролировать поведение молодежи. Кроме того, не следует преувеличивать возможность стабилизирующего воздействия исламского права на общество - известно, что в настоящее время некоторые группы из террористического ваххабитского подполья прикрывают шариатскими нормами банальное вымогательство денег у коммерсантов.

В таких условиях необходимым фактором формирования молодого человека являлась и является способность и готовность защитить себя и своих близких, что выражается не только в широком распространении спортивных единоборств, но и, в первую очередь, наличии соответствующей внутренней установки как личностной доминанты. Подобные качества должны присутствовать у любого мужчины, но те, кто рос в более благополучных условиях, не будут находиться в постоянной готовности к их непосредственному применению.

В условиях массовой внутренней миграции происходит быстрое размывание городской культуры. Попав из сельской местности в город, бывшие жители горных районов горожанами в одночасье не становятся, а многие черты прежней культуры, в том числе нормы поведения, связанные с общинным (джамаатским)[3] укладом жизни, утрачивают. Таким образом, появляется достаточно обширный слой маргинального по своей культуре населения, постоянно пополняющийся в условиях демографического прироста и усиливающейся социально-экономической дифференциации новыми волнами переселенцев. Молодые люди, принадлежащие к этому слою, становятся благоприятным объектом для развития разных форм девиантного поведения - от бытовой преступности до наркомании и исламского радикализма. Не адаптировавшись толком к жизни в городских условиях, немалая часть их отправляется в поисках заработка дальше, попадая в различные регионы страны.

Следует отметить, что внутренние миграции из сельской местности в города были и раньше, и проблема адаптации переселенцев тоже была всегда, но в условиях существовавшей в прошлом системы они были одним из образующих ее факторов, а не разрушающих, как теперь. Условно говоря, раньше город перерабатывал деревню. Теперь городская культура

[1] Вопрос о влиянии поенных действий на Северном Кавказе и: психику, менталитет, образ жизни, стереотипы поведения населсния заслуживает специального исследования и будет рассмотрен г отдельной работе.

[2] Данные любезно предоставлены клиническим психологом А.Л. Кадировым.

[3] Джамаатом у народов Северного Кавказа, исповедующих истам, называется сельская община.

не справляется с наплывом мигрантов и деревня, по сути, перерабатывает город. И именно этот процесс, связанный не только с Кавказом, но происходящий по всей стране в крупных городах, где существуют социальные и экономические ниши, отсутствующие в сельской местности и в небольших провинциальных городах, является одной из наиболее общих причин проблем и конфликтов, возникающих в связи с внутренней миграцией.

Указанные различия являются одной из распространенных причин конфликтов на бытовой почве с участием представителей молодежи из республик Северного Кавказа. Они поддаются корректировке. Там, где есть целенаправленная воспитательная работа с молодыми людьми, осуществляемая представителями национальных диаспор, земляческими объединениями - речь идет не о полукриминальных структурах, де-факто существующих в любых диаспорах, а об общественных объединениях, занимающихся, в том числе, культурно-просветительной деятельностью, - подобные случаи не часты. Есть положительные примеры такого рода деятельности в Москве, осуществляемой организациями, входящими в Российский конгресс народов Кавказа. Лекции и мероприятия культурно-просветительского характера регулярно проводятся в Московском доме национальностей, но для огромной Москвы все это - капля в море. Необходимо расширять работу с молодежью. Различия в национальных культурах стираются, нивелируются развитием общей культуры, а этого как раз сейчас не хватает.

Необходим также более тщательный отбор направляющихся в столицу для обучения молодых людей. С начала 2000-х гг. практикуется целевое обучение, направленное на подготовку современных кадров для национальных окраин России. Но этой возможностью обычно пользуются представители местных руководящих кадров, дети которых, как правило, не учатся, а числятся в учебных заведениях, оказывая своим поведением и образом жизни дополнительное влияние на негативное восприятие кавказцев.

Свое воздействие на ситуацию с подрастающим поколением оказывает политика центра на Северном Кавказе, основными своими чертами сформировавшаяся в 1990-е гг. Тогда в условиях разгорающегося конфликта в Чечне было важно не допустить расползания сепаратистских настроений по региону. Поэтому в ответ на лояльность местных политических элит центр закрывал глаза на нецелевое расходование, а, по сути, просто разворовывание средств из федерального бюджета, направляемых в северокавказские республики. С окончанием военного конфликта в Чечне ситуация в этом отношении практически не изменилась. Деньги, поступающие из центра, идут не на ремонт и строительство дорог, школ, больниц, восстановление разрушенной в 90-е гг. прошлого века промышленности, а фактически распределяются в интересах чиновничьей верхушки, допущенной до бюджетного пирога (исключением отчасти является Чеченская республика, где о том, куда в значительной степени идут направляемые из центра средства, можно судить по масштабам послевоенного восстановления). Время от времени в этой среде разгораются войны за доступ к средствам и ресурсам, сопровождаемые физическим устранением соперников. Завершаются они тогда, когда кто-то из конкурентов найдет доступ в Кремль. Подобная ситуация вызывает в российском общественном мнении негативное отношение к республикам Северного Кавказа и их населению как к иждивенцам. На это же работают периодически тиражируемые СМИ мифы о коррупции как характерной черте уклада жизни народов, живущих на Кавказе, о постоянной дотационности северокавказских республик.

На самом деле до рядовых жителей почти ничего из поступающих из центра средств не доходит. Особенно тяжелое положение у тех, кто работает в бюджетной сфере: к примеру, учитель в средней школе за ставку получает 4 тыс. рублей, врач - от 4 до 6 тыс., доцент университета - 10 тыс. Развитие малого бизнеса тормозится коррупционными интересами местных властных структур. Все это характерно не только для северокавказских республик, но и для всей страны. Но на Северном Кавказе эти проблемы обостряются вследствие высокого демографического прироста населения, этнической пестроты, что обусловливает действие фактора межэтнического соперничества при реализации социальных и экономических интересов. Поэтому миграция в более благополучные в экономическом отношении регионы, где есть потребность в рабочей силе, является одним из основных вариантов выхода для активной части населения, в первую очередь, мужчин молодого и среднего возраста.

Иждивенчески-потребительская психология характерна для представителей слоя местной властной олигархии, живущей на распределении бюджетных денег, и практически ничего не делающей

для улучшения социально-экономического положения в своих республиках. Она же воспринимается их детьми. Привыкнув к безнаказанности и вседозволенности на местах, они переносят эту же линию поведения в Москву, Санкт-Петербург и другие города и регионы страны, куда попадают. Молодые люди, представляющие основную часть населения северокавказского региона и уезжающие оттуда в поисках лучшей жизни, на новом месте часто сталкиваются с уже сформировавшимся негативным отношением к выходцам с Кавказа. В итоге складываются векторы отчуждения и взаимного неприятия. Последовательность их возникновения может быть разной, но сути это не меняет.

Другим следствием рассматриваемой ситуации является распространение радикального ислама в форме т.н. ваххабизма или салафизма, аккумулирующего протестные настроения части общества, в первую очередь, молодежи, видящей несправедливость существующего общественного устройства и не находящей себе в нем места.

Что касается современной мифологии, связанной с Кавказом, то здесь нужно отметить следующее: коррупция как системное явление существует там, где есть отчуждение народа, основной массы населения от власти, где есть разделение властей. Общественный быт народов Северного Кавказа, как уже указывалось, сохранял явно выраженные черты патриархально-родового уклада, демократические институты общинного (джамаатского) самоуправления. Они сохранялись, хотя и в меньшей степени, чем в вольных обществах, и при сильной ханской власти. В таких условиях, когда люди живут сравнительно небольшими, замкнутыми коллективами, где все на виду и все зависят друг от друга при относительном равенстве в правах основной части населения, для коррупции просто нет места. Тот разгул коррупции, который в настоящее время наблюдается, - это продукт преобразований и общественных трансформаций последнего десятилетия XX в., в том числе той системы управления регионом, которая, как уже указывалось, была выстроена в этот период.

Дотационный характер экономика северокавказских республик приобрела в постсоветский период из-за разрушения прежних экономических связей, прекращения деятельности практически всех крупных промышленных предприятий. До начала 1990-х гг., например, Дагестан давал немалые поступления в союзный бюджет за счет развития виноградарства и крупных заводов, работавших на оборонную промышленность. Реформы 1990-х гг., приватизация промышленных предприятий привели к их фактической ликвидации.

Если рассматривать проблемы миграции и ее последствий шире, не ограничиваясь анализом некоторых ее региональных аспектов, то следует остановиться на явлении, которое условно можно обозначить как закон «обратной волны». Оно известно в социологии, где для него применяются различные иные определения. Авторский термин «обратная волна», используемый в данной работе, как представляется, зримо достаточно ясно отражает суть явления, о котором пойдет речь. Все реформы, изменения в России всегда начинаются в центре и до провинций доходят с опозданием, где их реальное воздействие значительно смещено по времени. Кроме того, реакция на них там всегда сильнее, поскольку провинция более консервативна, чем центр, там больше инерция повседневности, выше охранительный потенциал и, соответственно, то новое, что приходит из центра, получает более остро выраженный характер в столкновении с прежними, устоявшимися формами жизни, культурными стереотипами. Следовательно, негативные последствия реформ, с которыми в центре столкнулись раньше и к которым там уже произошла определенная адаптация, на окраинах проявляются позднее. А с потоком внутренних мигрантов все это приносится с окраин обратно в уже сравнительно оправившийся от потрясений и относительно благополучный центр. В Москву и столичный регион эта «обратная волна» с национальных окраин России и бывших советских республик, а ныне государств СНГ, пришла, главным образом, в конце 1990-х - 2000-х гг. И тех политических, административных, финансовых, социальных, культурных ресурсов, которыми обладают такие островки благополучия, как Москва, Санкт-Петербург, недостаточно для нейтрализации негативного потенциала «обратной волны».

В такой многонациональной стране, как Россия, эта проблема имеет и иную окраску. В ее истории изменения всегда начинались с территории проживания основного, русского этноса и касались прежде всего его, а затем уже шли из центра на национальные окраины. Большой народ всегда сильнее влияет на малые народы, живущие с ним в одном государстве, чем те на него. И изменения, происходящие с ним, обязательно на них отражаются. Но чем больше этнос, тем он относительно спокойнее на

них реагирует, поскольку из-за своих особенностей он более открыт для новаций. Кроме того, с точки зрения биологического выживания, даже при самых неблагоприятных последствиях каких-либо новаций, у крупного этноса больше шансов сохраниться, чем у его соседей по территории, попавших в такую же ситуацию, но имеющих меньшую численность. А малые народы более консервативны, больше сохраняют черты традиционного уклада и мышления. Поэтому изменения, приходящие к ним через титульный этнос, они воспринимают более остро, и эта обостренная реакция, возвращаясь в виде обратной связи к доминирующему этносу, вызывает у того, в свою очередь, ответную реакцию. Одним из проявлений этой закономерности в современных условиях является ксенофобия.

Распространение ксенофобии тесно связано с развитием социальной апатии в современном обществе. Конец прошлого столетия, первое пореформенное десятилетие было периодом, когда, с одной стороны, безработица, потеря социальных льгот и гарантий, постоянные невыплаты зарплаты и, как следствие, обнищание стали уделом большинства населения страны, а с другой стороны, в это же время делались многомиллионные состояния, совершались стремительные карьерные взлеты. И пусть число последних было невелико, а в сравнении со всем остальным населением, пострадавшим в результате реформ, приближалось, в лучшем случае, к тысячной доле процента, и происходили такие взлеты, как правило, только в центре, тем не менее был важен сам факт подобной возможности. Он формировал своего рода российский вариант американской мечты на примере доморощенных «self made тап»-ов, правда, с выраженным криминальным оттенком. В 2000-х все изменилось. Начался процесс жесткого структурирования получившегося в результате всех предшествующих преобразований общества. Произошло некоторое перераспределение собственности на самом верху. Часть олигархов, не вписавшихся в новые условия или не пожелавших играть по новым правилам, оказалась в бегах, некоторые - за решеткой. Поредевшая таким образом олигархия 1990-х уплотнилась за счет высших сотрудников госструктур, получивших свою долю пирога в виде допуска к сырьевым и финансовым ресурсам страны, и превратилась в замкнутую прослойку, куда попасть уже невозможно. Социальной опорой правящего режима является чиновничество, имеющее различные льготы и более высокую, по сравнению с остальным населением, зарплату и, самое главное, обладающее непревзойденной возможностью использования коррупционных механизмов для личного обогащения. В этом отношении период начала 2000-х гг. имеет определенные параллели с эпохой петровских преобразований. Тогда Петр I ограничил влияние боярства - олигархии того времени, отодвинул его от власти, а своей опорой сделал служилое дворянство, из которого формировалось чиновничество, бюрократическая элита. Но если в то время процесс, которому положил начало Петр I, затянулся более чем на полвека, когда Екатерина II принятием табеля о рангах окончательно структурировала современное ей общество, то сейчас все происходит неизмеримо быстрее и используются для этого, в первую очередь, экономические механизмы.

Все это порождает социальную апатию в обществе. Упадочнические настроения поражают либеральную прозападную интеллигенцию, видящую в проводимой властью политике возврат к авторитаризму, утрату демократических свобод; национал-патриотов, озабоченных судьбой русского народа, размыванием его генофонда и утратой традиционных ценностей; рядовых граждан, не видящих возможности улучшить свое материальное положение, продвинуться по карьерной лестнице, поскольку это продвижение зачастую основывается на принципе личной преданности. Особенно это касается тех, кто работает на государство, трудится в бюджетной сфере. Подобные настроения охватывают все поколения. Представители старшего поколения, помнящие советский период и то хорошее, что было в нем, связанное с социальной политикой государства, видят не только невозможность вернуться к этому целиком, но и ожидать хотя бы частичного восстановления утраченного. Люди среднего возраста, наиболее социально и экономически активные, в полной мере ощущают на себе последствия структурирования общества, ограниченную социальную мобильность. Что касается молодежи, то нежелание учиться и работать, затрачивать усилия, чтобы чего-то добиться в жизни, кем-то стать, охватившее значительную часть современных молодых людей и именуемое в просторечье «пофигизмом», тоже в немалой степени является проявлением социальной апатии. При этом, если раньше ксенофобия в молодежной среде была характерна, главным образом, для маргинальных групп, то теперь, исходя в том числе из личных наблюдений автора, нацио-

налистические настроения все больше проявляются у студентов столичных вузов, в первую очередь, уроженцев Москвы.

Чем ниже порог социальных возможностей, тем выше уровень агрессии. В этих условиях приезжие рассматриваются как конкуренты в плане реализации жизненных интересов, а увеличение их численности - как опасность размывания, растворения русского этноса, угроза самому его существованию. В качестве предложений по исправлению ситуации предлагаются разные меры, наиболее радикальная из которых заключается в отделении Северного Кавказа от России. Это, по мнению сторонников данной идеи, должно уберечь страну от расползания терроризма, сберечь и перенаправить на исконно русские территории средства, идущие в настоящее время в северокавказские республики, и убрать опасность для русского этноса со стороны опережающего демографического роста некоторых народов, исповедующих ислам.

На деле опасности размывания русского этноса вследствие роста внутренних миграций нет. Представляется, что выразители подобных настроений неадекватно оценивают исторический опыт и адаптационный потенциал русского народа. Как свидетельствует опыт прошлого, в том числе и российской истории, при взаимодействии различных народов более крупный со временем перерабатывает, ассимилирует более мелкие этносы и этнические группы. И в этом отношении определенная опасность растворения скорее угрожает тем этносам, чьи представители (как правило, мужчины молодого и среднего возраста) едут из республик Северного Кавказа, государств Закавказья и Средней Азии в Центральную Россию. Живя и работая там более или менее продолжительное время, они не могут не вступать в контакты с представительницами местного русского населения. Дети, появляющиеся на свет в итоге этих отношений, независимо от того, под какой фамилией они записаны и какое имя носят, уже не будут теми азербайджанцами, армянами, таджиками и др., какими бы стали, если бы родились и воспитывались на родине отца. Вырастая в русской этнической среде в небольших провинциальных городах или в нивелирующей национальные различия атмосфере мегаполиса, они по своему менталитету ничем не отличаются от коренного населения. Поэтому результатом таких смешанных браков является не грядущее растворение и исчезновение русского народа под натиском мигрантов, а, скорее, пополнение его путем реализации продуцирующих способностей последних.

Кроме того, если даже браки заключаются в среде самих мигрантов, то следующее поколение, являющееся их результатом, также будет весьма сильно отличаться от своих сверстников на исторической родине. Вырастая в иной, по сути, мультикультурной среде, они неизбежно воспринимают ее особенности и стереотипы, даже если еще сохраняют какие-то свои этнические традиции. Но с каждым следующим поколением степень универсализации культуры и нивелирования этноконфессиональных особенностей возрастает. Толкнуть мигрантов или их детей на путь этнической, конфессиональной, культурной замкнутости может лишь неприкрытая ксенофобия, отбрасывающая человека по признаку национальной и/или конфессиональной принадлежности на обочину жизни.

Кроме того, использование методов политической хирургии может привести к тому, что в недалеком будущем Россия останется в границах Московского царства XVII в. Гипотетический уход России с Кавказа, (если предположить, что подобная мера была бы принята), означал бы не просто потерю Северного Кавказа в лице нескольких неспокойных республик. Это имело бы прямым следствием полную потерю Черноморского побережья и Кубани, Краснодарского края - житницы России, поскольку исторически - это территория расселения черкесов (адыгов), вынужденно покинувших ее после поражения в Кавказской войне и переселившихся на Средний и Ближний Восток, главным образом, в Турцию. Почти 3 млн. адыгов, живущих ныне в Турции, сохраняют историческую память о своем прошлом, тем более, что она будоражится проведением в 2014 г. зимней Олимпиады в Сочи, на исконно адыгской территории. Кроме того, в этом случае Зайдет Ставрополье, где уже сейчас в сельских районах доля выходцев из некоторых северокавказских республик, главным образом, из Дагестана, составляет около 60 % населения. В сложном положении окажутся Астраханский край, Волгоградская и Ростовская области, где существуют значительные по численности и влиянию на местную ситуацию диаспоры выходцев из различных республик Северного Кавказа, в основном, из Дагестана и Чечни.

Кроме того, сторонникам крайних мер необходимо понять, что их применение не остановит последователей радикального ислама. Они давно уже воюют не за установление исламских порядков (в

своем понимании) в отдельно взятых республиках Северного Кавказа или на всем Кавказе в целом. Война идет за всемирный халифат, частью которого должна стать Россия. Поэтому такая мера, как отделение Кавказа, их не успокоит, а, наоборот, подтолкнет к усилению подрывной деятельности, показав слабость Российского государства. На количестве же мигрантов эта мера в лучшую сторону не отразится, напротив, только увеличит. С одной стороны, с Кавказа уйдет наиболее образованная, светски и пророссийски настроенная часть населения, в отношении которой такое политическое решение будет предательством. С другой, в условиях недостаточного развития сельскохозяйственного и почти полного отсутствия промышленного производства пойдет такая волна миграции трудоспособного населения, которую невозможно будет остановить никакими бюрократическими препонами.

Поэтому подобная мера для решения проблемы внутренней миграции никаких выгод России ни в политическом, ни в экономическом отношениях, ни в плане обеспечения собственной безопасности не принесет, напротив, лишь многократно увеличит существующие ныне проблемы и добавит новые.

Что же можно сделать в настоящих условиях, чтобы изменить ситуацию с миграцией и уменьшить связанную с этим конфликтность в обществе?

Сначала следует остановиться на наиболее общих моментах. Современное расселение этносов, в том числе из-за развития миграционных процессов, образует значительные территории их смешанного проживания. В таких зонах интенсивных межэтнических контактов начинают усиленно действовать два противоположных типа процессов. С одной стороны, там идет сглаживание и нивелирование этнических особенностей на основе в разной мере проявляющихся в зависимости от конкретных условий процессов межэтнической интеграции, миксации и даже ассимиляции, в основном естественного характера. С другой стороны, происходит усиление внимания к проблемам этнической идентичности, национальным особенностям, приобретающее при этом ярко выраженную эмоциональную окраску, что может оказывать дополнительное воздействие на межэтнические отношения.

Поэтому для избегания или, как минимум, смягчения конфликтов на межнациональной основе необходимо всячески стимулировать процессы первого рода, сглаживая их крайние проявления поддержкой культурной деятельности национальных землячеств, созданием национально-культурных автономий и т.д.

Следует больше уделять внимания социальной и культурной адаптации мигрантов. Среди любой волны мигрантов можно выделить, как минимум, три основные составляющие:

- т.н. карьерные мигранты - те, кто приехал реализовать свой интеллектуальный и творческий потенциал, у кого ярко выражена вертикальная социальная мобильность. Они составляют меньшинство мигрантов.

- трудовые мигранты - те, кто приехал ради заработка, основная часть любой диаспоры. В этой среде вертикальная мобильность тоже присутствует, но в сочетании с преимущественной горизонтальной мобильностью.

- мигранты-маргиналы, либо изначально приезжающие с преступными намерениями, либо в силу разных жизненных обстоятельств, неумения приспособиться к новой среде становящиеся на путь преступной деятельности или пополняющие ряды бомжей.

Задача состоит в том, чтобы из основной группы главный вектор межгруппового перемещения был направлен вверх, по восходящей, а не вниз. Мигрант, терпящий на каждом шагу на новом месте унижения от представителей власти, не имеющий возможности реализовать свои социальные амбиции, никогда не будет лоялен этой власти и не станет законопослушным членом общества. Мигранту же, успешно прошедшему социальную и культурную адаптацию, получившему соответствующую его возможностям и квалификации работу, у которого на новом месте сформировалось свое окружение, появились социальные связи, есть что терять. Такие люди будут вполне достойными членами принявшего их общества. Пока же количество примеров такого рода невелико по сравнению с общим числом мигрантов и они являются результатом не целенаправленной деятельности государственных органов, а личного упорства и стойкости мигранта, его готовности и способности переносить лишения и неприятие принимающей стороны.

Отсутствие механизмов социальной и культурной адаптации мигрантов приводит, в том числе, к росту преступных сообществ на этнической основе. Эта проблема касается не только России. Подобные преступные организации возникали и возникают в различных странах, принимающих мигрантов: итальянские, ирландские, китайские, кубинские и про-

чие преступные сообщества в США, корсиканские, сербские и др. криминальные структуры во Франции и т.д. Один из последних по времени примеров - появление албанских преступных групп в Западной Европе. Этнические криминальные группировки строятся по принципу родственной и земляческой солидарности, в связи с чем правоохранительным органам всегда труднее с ними бороться, чем с обычной преступностью.

В качестве дополнительного фактора межэтнической дифференциации в соотношении мигранты - принимающая сторона выступает религиозная принадлежность. В среде мигрантов широкое распространение получает вторичная религиозность, когда человек, не проявлявший у себя дома особого интереса к религии, относившийся к ней индифферентно, попадая в иную культурную среду, начинает позиционировать себя с точки зрения конфессиональной принадлежности. Обычно, как показывают наблюдения, это происходит в первый год его пребывания на новом месте и связано со стремлением сохранить и упрочить свою идентичность, особость уже на религиозной основе и приобрести новые социальные связи и поддержку среди единоверцев[1]. Насколько это стремление противопоставить себя безличному, стирающему различия воздействию большого города приобретет конфликтный характер, зависит от того, как будет проходить адаптация мигранта в новой среде. Чем менее успешной она окажется, тем больше шансов на то, что отторжение от общества приобретет, в том числе, идеологическую окраску.

Количество мигрантов неизбежно уменьшится при хотя бы относительном выравнивании социально-экономического развития регионов страны. В отношении северокавказских республик необходимо заменять неспособное к управлению и растрачивающее средства из федерального бюджета руководство, а сам процесс поступления и реализации денег сделать прозрачным. Необходим строгий контроль за их целевым расходованием.

И последнее. Как представляется, каждая страна, созданная вокруг осевого этноса, и в таковом качестве имеющая исторически значимый период существования, на протяжении которого сохраняется ряд общих параметров, таких, как территориальное ядро (при любых изменениях границ), геополитическое положение, основной этнический состав (который также может меняться со временем при сохранении титульного этноса с учетом эволюции последнего), религиозная принадлежность, особенности культуры (в широком смысле - материальной, духовной, социальной)[2] - имеет определенный набор, ограниченное количество вариантов и моделей развития, выработавшихся и проявившихся в ходе предшествующей истории. И на каждом новом витке развития есть вариант повторить ту или иную модель. Хотя их проявление в новых условиях будет происходить тоже по-новому, со своими особенностями, тем не менее основные типологические характеристики их будут сохраняться. Например, Россия никогда не будет подобием относительно небольших европейских государств, существующих в настоящее время. Она может быть либо мощной державой, сохраняющей и реализующей имперские потенции, объединяющей разные народы и обладающей неким общим началом, которое всех их собирает и удерживает; либо исчезнет, прекратит свое существование как самостоятельное государство, разделившись на множество мелких государственных объединений. Последние не смогут долго сохранять независимость в условиях реализации геополитических интересов ведущих держав мира - основных современных политических акторов, будучи поглощены ими или превратившись в их фактические придатки. В истории России было несколько периодов, когда она оказывалась раздробленной, и каждый раз это заканчивалось внешней агрессией и интервенцией. И каждый раз после этого она восстанавливалась, сохраняя свой полиэтнический характер и расширяя территорию.

Так же и Китай может быть либо империей по сути, либо пережить период распада на десятки более мелких государств, окажущихся под влиянием западных держав, как это уже было в его истории.

Для США с их недавней историей набор вариантов развития тоже ограничен: либо дальше развиваться вширь, экстенсивным путем. В конце XVIII - XIX вв. это происходило путем освоения внутренних территорий, в XX в. - за счет финансовой при-

[1] Это заключение основано на наблюдениях автора, изучавшего некоторые сверокавказскис диаспоры, в том числе в ходе специального исследовательского проекта. См. Булатов Л.О. Российское государство и мусульмане: основные тенденции взаимодействия и стратегии адаптации (на примере внутренних мусульман-мигрантов) // Вестник Евразии. 2007. № 3 (Проект «Российские мусульмане: современные вызовы, адаптационные механизмы и практики». Программа фундаментальных исследований Президиума РЛП «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». 2006-2008 гг.).

[2] Набор этих признаков и их сочетание могут различаться у разных стран.

вязки к себе различных стран - от послевоенной Европы до Латинской Америки и в целом стран т.н. третьего мира. В настоящее время это выражается в стремлении к установлению мирового господства, политике глобализации. Либо, если этот вариант не реализуется в силу вызываемого глобализацией противодействия со стороны испытывающих ее государств и появления сильных конкурентов в лице других держав, США ждет нарастание внутренних противоречий и, в перспективе, распад. Как и в XIX в., основная линия раскола пойдет между латинизирующимся югом и условно англо-саксонским севером при смещении границ этого противостояния к югу по сравнению с гражданской войной 1861-1864 гг.

Если предельно конкретизировать сказанное, то история представляет собой набор определенных моделей развития, которые (или элементы которых) на каждом новом этапе рекомбинируются, не повторяясь буквально, но сохраняя свои основные особенности. И прогресс состоит не в слепом подражании и перенимании чужого опыта, а в понимании особенностей истории своей страны и следовании им в политике.

Как и любое явление, полиэтничность и связанное с ней культурное разнообразие могут являться фактором, укрепляющим государство, либо, при неравноправии их составляющих, наоборот, быть залогом его нестабильности. Россия с момента своего возникновения в качестве государства всегда была многонациональной державой и никогда этническое и культурное многообразие не было фактором ее слабости. В самые трудные, решающие для судьбы государства моменты истории плечом к плечу его защищали представители всех населяющих Россию этносов. И сохранение и умножение этого потенциала является необходимым условием существования России как сильного независимого государства.

© Булатов А.О.